

ВЛАДИМИР
НЕЧВОЛОДА

Своим родителям с любовью посвящаю
Автор

«Имя» — третья книга молодого тюменского поэта Владимира Печволоды.

Родился В. Печволода в 1945 году в Новосибирске в семье военного журналиста. Жил на Камчатке, Украине, на Урале. После окончания школы работал киномехаником, рулевым возил первую тюменскую нефть с севера области в Омск, работал на телевидении в Казахстане, в газете «Тюменская правда».

Первая книга стихов вышла в 1967 году в Свердловске, вторая в 1969 году — в Алма-Ате.

190
105

ВЛАДИМИР НЕЧВОЛОДА

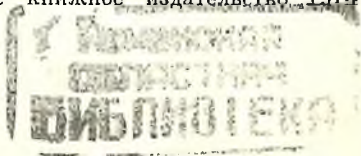
Имя

СТИХИ

М

788723*К*

Свердловск
Средне-Уральское книжное издательство 1974

Н 59
Р 2

Н 0742-048
М158(03)-74

© Средне-Уральское Книжное Издательство,
1974

О прошлом

За пеленою проходящих лет
Неразличимы прошлого границы.
Но почему во сны ко мне стучится
То прадед-сечевик,
То пахарь дед?
Глядят вприщур,

как будто ждут ответа

О счастье,
О судьбе их дальних дней...
Голубоглазых прадедов приметы
Все чаще нахожу у сыновей.
Вот говора летучие росинки.
Вот, пробиваясь через толщу лет,
Любовная привязанность к России
В них созревает тихо,

как рассвет,

Товарищества верного понятия,
И вера в ликование доброты...
И оттого, что прошлое понятно,
Яснее настоящего черты.

Наследство

Деды были небогаты:

Долото,
топор,

сума...

Деды были бородаты,

Возводили терема.

Неторопко,

да надолго,

Чтоб душа была светла.

...По Тоболу,

по-над Волгой

Золотые купола,

Словно щепотью сведены

Пальцы —

видишь?

Посмотри —

Держат солнышко в полоне

От зари и до зари.

Я вошел под своды храма,

Как в межвременья вокзал.

Фрески,

свитки в темных рамках,

Позабывшие глаза...

Наследую твою любовь,
Твое стоцветье луговое,
Твое застенчивое поле,
Веснушчатое от хлебов,
Все подорожные ветра,
Зерно мятежного познания,
Твои былины и сказанья
С веселым торжеством добра.
И гул рабочих городов,
И убедительное право —
Перековать мечи в орала,
Не тратя на посулы слов.
Одной твоей внимаю речи,
Твои обычаи храню.
Добру всегда добром отвечу
И зла в душе не затаю.

Письмо

Занавесив окно синим ситцем,
Помолившись на «божий шесток»,
Сядет снова соседка Таисья —
Тетя Тася —

  за крашенный стол.
Ей листочки измятые править,
На корявую ручку ворчать,
Уходить в поседевшую память,
Подобнее слова выбирать.
Все обскажет:
Про внучку Наташу,
Про погоду,
  про цены,
  про сны...

Напоследок добавит просяще:
«Возвращайся, сыночек, с войны!
Как в гремучем твоём Сталинграде?
Может, с теплым посылка нужна?..»
Постоит,

  повздыхает в ограде
И направится к почте она.
Будет гладить конвертик в сторонке,
Словно что-то забыла сказать.
Будут снова на почте девчонки

Отводить виновато глаза,
Не откажут ей.
Примут посланье
И положат к ненужным листкам.
Но опять в затаенном рыданье
Задрожит у дежурной рука.

Бабка

Бабка не рассказывала сказки.
Хлопотами дружными полна,
Каждому ступающему часу
Знала дело равное она.
На ночь заводила квас в бочонке.
Тесто пригревала на печи,
Полночью водой из-за иконки
От болезней нас бралась лечить.
Зорькой выходила на крылечко.
Ржал, ее почуяв, карий конь,
Гуси торопились к ней от речки,
И теленок тыкался в ладонь,
Мы ласкаться к бабушке любили,
Понимая, может быть, едва:
Бабушкины руки говорили
О любви нам больше, чем слова.

От наших лет нам никуда не деться.

Но вот однажды

в улочке

сквозь дождь

Услышишь песню,

и проснется детство,

Как будто в школу снова ты зайдешь.

Потом повеет юностью...

И будет

Тревожно слышать ритмы прежних дней.

Смеются и грустят седые люди,

А песня все слышней,

А песня все слышней...

Имя

«Тюмень» — боевая единица
«Тю мянь» — мое сокровище

Называть места у нас не ново
Броско, чтобы чувствовалась статья.
Но Тюмень — оно такое слово —
Век без словаря не разгадать.
И в Москве, бывало с удивленьем,
Разговор попробуй заведи,
Говорили:
«Кто там из Тюмени?
Ты название нам переведи».
А в краю моем седые ветры,
В облаках летучая звезда.
А в краю моем, в тайге столетней
Младше первоклашек города.
Все вокруг —
рождение, начало.
Все — судьба товарищей моих,
Здесь встают у нефтяных причалов
Маяки бессонных буровых.
Море нефти под землей безбрежно,
Чтоб открыть все,
Север взяв в расчет

Надо быть хозяином прилежным
И немного воином еще.
Два значенья имени Тюмени
Отыскал я.
Всякий их поймет:
«Түмен» — боевое исчисленье,
А «Тю мянь» —
сокровище мое!

Встреча на Севере

Балок смолил дремучую махру.
Таежный порт.
Три дня без самолета.
Бродила по тропинкам желтых струн
Гитарной грусти легкая дремота.
За окнами кружил метельный вихрь,
Внося в сердца седое ожиданье.
Встав у окна,
Знакомый с детства стих
Вдруг стал читать учитель-северянин.
Чуть окая,
рукою руку сжав,
Прядь белую рывком со лба сбивая,
Читал про увяданье тихих трав,
И про багрец, и золото дубрав...
Потом читал другое,
вспоминая.
И кто-то повторял:
«Некрасов,
Фет...»
А кто-то
горько выдохнул при этом:
«Писали как!
Талантов нынче нет.

788723

Есенин

был последним из поэтов...»

Вскипел старик,
Тряся култей руки.

«Молчи! — сказал он

и вдруг понял: —

Ладно!»

Обвел нас, как детей, веселым взглядом,
И вот ворвались всполохом стихи
С твардовской далью пройденных дорог
И августовским солнышком Ручьева...
Нам душу обожгло сильнее тревог
Прозреньем обессмертенное слово.

Все слушали,

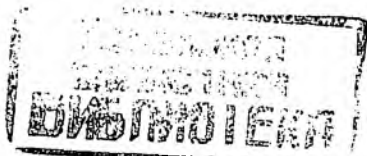
Хоть он и не просил.

Мне навсегда слова его запали:

«Поэты умирали на Руси,

Но никогда они

не вымирали!»

3 Заказ 567

На реке

Красноталом,
красноталом
Прииртышье пролетало.
А на том на берегу
Над водою прелою
Кони стали на лугу
Карие и белые.
Кони замерли без страха
У размахистой косы.
Штурман охнул,
Штурман ахнул,
Штурман трубку прикусил.
Рулевые загалдели
И затихли сразу же,
Словно как-то посветлело
На душе у каждого,
Оттого, что
ра-
ду-
гу
Выдуло над мелями,
Оттого, что на лугу
Кони эти белые...

Там,

где нартовый след к диким звездам

примерз,

Я не раз был исхлестан январскою вьюгой.

Обмороженный,

Выживший в знойный мороз,

Все равно приезжаю на Север я к другу.

Обхожу вкруговую новехонький дом.

Открывай же, Микуль, раздобревшие двери!

В угол ставь чемодан мой.

Мы же в юрту уйдем,

Что поныне жива на задворках деревни.

В юном доме

легенд не споешь хорошо.

В юрте идола бредят тоской подношений.

В их раскосых глазах страх веков отражен,

Звезды гаснут на их деревянных коленях.

Только здесь,

задыхаясь от горестных слов,

Ощущаю печаль я хантыйских преданий.

В теплых запахах шкур

Дремлют думы лесов,

Бормотание бубна и веще,

и тайно.

Не скажешь,
                                что удаль ушла!
Топорик к топорiku метко
Вобьет на виду у села!
Куда расписным томагавкам!
Он видел их как-то давно —
С тех пор Айваседе забавно
Смотреть про индейцев кино.
А я вот смотрю.

  Мне тревожно.
Семь серий!

                                Интрига остра...
Об этом рассказывать можно
Полгода
                        под смех
                                у костра.

Скульптор

П. Шешкину

Он уходит утром тропкой росной
В лес, к полянам, где деревья сухи,
Выберет осину иль березу
И к стволу прикладывает ухо.
Не беда, что высохло могучее.
С чурбаком вернувшись в мастерскую,
Набивает трубку он задумчиво.
Оборотень-дым над ней колдует:
Распластает крылья вещим вороном
В пляс шаманом пустится азартно
Или заскользит тихонько в сторону
В две дорожки,

словно след от нарты.

А художник медлит в ожидании,
Шевелит губами осторожно.
Вот ожило в воздухе предание,
И тогда резец берет художник.
Лезвием легко наметит линии,
Чтоб не повредить лесную душу.
И лицо доверчивое выглянет,
Словно из пеленок,
Из-под стружек.

Последний рейс

Мглистые берега.
Обью идет
                  шуга.
Крошево льда и волн.
Скошенный бакен
                                черн,
Словно птенец
                                в беде
На воде.
Что я гляжу
Назад?
Что там ищет
                                мой взгляд?
Лета последний
                                знак?
Светел вдали
                                маяк.
Вроде обычно все:
Родина.
Россыпь сел.
Где-то гогочет
                                гусь.
И отчего-то
                                грусть.

Видно, дано судьбой
Издавна слышать боль
Древней тоски лугов,
Дерева в час снегов,
Птицы —
В осенний лет...
Пристань
назад плывет.

Капитан

Н. Лунину

Позвонил капитан:
Мол, проездом — на Омск
и обратно.
Это мой капитан,
Тот, с которым ходил я когда-то.
«Как живешь? — он сказал. —
Еду поездом мимо случайно.
По Оби, — он сказал, —
Не хотел бы со мною отчалить?
Слышишь шумный перрон?
Вот уже нам дают отправленье...»
Замолчал телефон,
Молчаливо сажу без движенья.
Сколько лет, сколько зим!
В кумачовом взволнованном мае
Неужели мы с ним
Первый груз нефтяной принимали?
Мы вели караван
От Юганских обветренных вышек.
Капитан, капитан,
Рулевой-то я был никудышный.
Знал капризы реки,

И штурвал не юлил под руками,
Да мешали стихи —
Я шептал их на вахте ночами.
Много минуло дней.
Все же правильным
  вышел я курсом,
Коль, как равному, мне
Вы звоните.
А знали безусым.
Позвонил капитан.
Ну и что же, казалось, такого?
Первый мой капитан.
Реки юности вспомнились снова.

Да будет свет в твоём окне,
Чтоб мог я постучаться ночью,
Когда, нахохлившись над строчкой,
Ты размышляешь в тишине.
Мне нужен хлеб.
Мне нужен чай.
Но мне ещё нужней прозреньё!..
Когда в случайное мгновенье
Касаюсь твоего плеча,
То пробуждаются стихи.
И звуки кружат надо мною,
И пахнет в комнате тайгою,
И замираем мы, тихи.
И вот слова идут ко мне,
Свежи от рос,
  густы от красок,
Как травы, молоды и разны,—
Да будет свет в твоём окне!

Возвращение

Слегка неуклюж приземлившийся
лайнер.
Вот он затихает, негромко ворча.
И я все заботы о Севере Крайнем
Небрежно, как шубу, роняю с плеча.
Теплом расточительнейшим окружая,
Надвинулся август в меду и цветах.
И замерла,
ахнула громко родная,
Разбрызгав внезапное счастье в глазах.
По-свойски толпа затолкала нас быстро.
На площади шумно от слез и острот.
И вишнями пахнет,
И дымом смолистым,
Совсем как от зимних сосновых
костров.

Здравствуй, дом!
Вот и я с букетом.
Привечай же меня,
встречай.

Видишь —
Снова уходит лето.
Вот он — в белом пуху иван-чай.
Пронесется закат над нами,
И продлится до полдня ночь...
Дом наполнится голосами,
Улетят все тревоги прочь.
Здравствуй,

милая,
дорогая!

Мой костер в путевой судьбе.
От костров ледяного края
Ненадолго опять к тебе.
Все прощаешь в минуты эти,
Даже то, что, назвав отцом,
Потихоньку сверяют дети
С давним фото мое лицо,
Что ушел за неверной далью —
Присушила заман-тайга,
Что в беспамятстве припадаю

То к ее, то к твоим рукам.

Лепечу я,

от ласк речистый

Накатившиеся слова:

«Вон

какой

иван-чай

пушистый...»

На Оби я его срывал.

...Вот лишь душу чуть отогрею

И с ребятами по грибы...

Расскажу им про Крайний Север,

Там цветы от дождей рябы.

Там такие снега собольи!

Там весною шагнешь в зиму.

Но тебя я туда с собою

Никогда

Ни за что не возьму!

Пусть со мною пребудут боли,

Леденящий уют балков...

Нам разлука горька обоим.

Значит, это и есть

любовь.

Лебединая,

соколиная,

Неизнеженного крыла!

В сердце родственно и былинно

Верность жен и земли вошла.

И значимее нет на свете

Отреченной их чистоты...

— • — • — • —

Из лозы ограда,
У крыльца солома...
Ничего не надо:
Я сегодня дома.
Первый раз в деревне,
А тепло от пламени
Родственности древней —
Ведь деревня мамина.
Во, нашлось дядьев-то —
Белых, черных, рыжих...
У любезных теток
Реченьки бесстыжи.
Слушаю. Не хаю.
А словечки — ягодки.
Приберу пока их:
Свой карман не в тяготу.
Удивляюсь чуду
Мудрости нечаянной.
Привечают люди,
Будто приручают.
Бережат мне душу
Во поле в околышках
По утрам кукушки,
Вечером — соловушки.

•••••

Какие простыни у мамы —
Белей лебяжьего крыла.
Каким покоем необманным
Она покои убрала!
«Чего не спишь?»
И по соседству
Присядет, словно бы в укор.
И сны летучие, как в детстве,
Забьются под ее рукой.
И сквозь цветную полудрему
Услышу:
Встала.
Отошла.
Вот чашкой звякнула дареной...
Вот вроде тесто завела.
Бормочет:
«Кто в тайге накормит?!
Да и жена — она не мать.
Прожить бы только им без горя...
Володя, надо бы вставать».
И свет сметанный разольется.
И будет вновь хвалить отец
Блины горячие, как солнце.
Мы с ним блины умеем есть!

Базар

Ах, вы, базары!
Гомон азартный.
Все нарочитое —
Смех и слеза.
Все продается:
Куры и карты,
Даже иконок усталых глаза...

Бабка.
Передничек в маках с горошком.
Бабкин товар не оглянешь зараз.
— Милый,
Купи половину дорожки,
А половину —
отдам за показ...

Пусть все товары
Лежат в магазинах —
Люди торгуются
Здесь веселей.
К яйцам приценятся,
Рты поразинут:
— Бабка-забава,
Да ты не наглей!
— Хочешь — бери.

Притушу свою грусть.
Пригублю сигарету.
Станет снова осинка в окно лепетать.
Бормотаньем дождя,
Причитанием ветра
Разве лето уходит?
Уходят лета.
Все по-прежнему будто.

Обветрены доли,
Звезды росны и пахнут хлебами полей,
И надежды свежи,
как рассвет над Тоболом,
И уверенность в важности будущих дней.
Только осенью резче весь мир обозначен —
Вся мгновенность и неповторимость земли.
Не волнуют подолгу уже и удачи,
Если в небе курлычут мои журавли.
Приоткрою окно.
Пригублю сигарету.
Буду чутко за небом следить в тишине.
И опять прогляжу,
как в запеве рассвета
Невозвратно изменится что-то во мне.

А потом
Начинаешь чутко слышать дом.
Вот отец вздыхает за стеной.
Мама шепчет —
                                это надо мной.
Капает вода,
                                зевает кот.
Сын спросонок двери не найдет.
У любимой сердце бьется часто.
Начинаю рано просыпаться.
И тесна,
                                и тягостна кровать.
Видно,
                        снова
                                скоро
  улетать.

Косяк собрался в путь с зарею.
В нем молодая билась кровь.
И вот вожак, друзей построив,
Приветно обронил перо.
Оно,

зеленого отлива,
С налетом сизым по краям,
Прошло над зябнущим заливом,
Над пашней, вышедшей к домам,
И под ноги упало людям
Как подтвержденье,

что к зиме
Птиц властно ожидает чудо
Открытия иных земель.
Крылатые летели, крича,
Все вдаль, все вдаль,
где синь светла...

А люди думали:
«Вот... плачут...»
Глядели вслед, забыв дела.
Им было легче в час волненья
Не замечать тревожных лиц
И объяснить свое смятенье
Придуманной печалью птиц.

Баллада о надежде

САШЕ

Он с детства представлялся мне иначе —
Товарищ мой

и главный мой герой,
Впервые чутко звуки ловит мальчик,
Слова в ушах рокочат,
как прибор.

И скрип двери,
и хохоточек детский,
И шорохи шагов,
и чей-то вскрик...

И вот однажды вздрагивает сердце,
Слагая все услышанное в стих.
Мир прорастает яркими словами.
У мальчика счастливая звезда...
Я знал его, как собственную память,
И лишь судьбы его не угадал.

Он падал в пустоту.

Ломались крылья,

Глох рокот самолета за спиной,

И медленные стены восходили,

И пахло горьковатой белизной.

Сквозь пелену рассвета или ночи

Вдруг проникал профессорский басок...

— Сержант...

при исполнении...

позвоночник...

Разрыв спинного мозга...

не ходок...

Палата.

Был все злее, обреченней

Бзгляд в синеву окна.

День ото дня,

Распятый на растяжках по наклонной,

В окне встречал он иногда меня.

Я пристальное чувствовал вниманье.

Вот так в тайге,

от дома далеко,

Вдруг на щеке почувствуешь дыханье,

Оглянешься —

а рядом никого.

Искал героев.

На таежных трассах

От слов грузнела школьная тетрадь.

А он лежал,

угрюмел с каждым часом,

Герой ли, друг —

еще нельзя понять.

Что там за неподвижными зрачками?

Сквозь злость и боль измученной души,

Как птица с перебитыми крылами,

В зрачках трепещет:

Мне не стоит жить!

У жалости стоять на иждивенье?

Нет!

К черту все!

Треск распорол бинты.

И рухнул потолок,
придя в круженье...
По простыне кровавые цветы...
Сквозь забытье
В безвременном пространстве
Почудилось ему в какой-то миг,
Как иступленно кто-то, наклоняясь,
Шептал слова.
И шепот был как крик.
О вере в силы
И о том, что могут
Неверны быть диагнозы врачей.
О мужестве
и о надежде новой
Шел шепот, проникавший до костей.
Вот дом.
Такой далекий после службы.
Приемник,
полка,
стопка книг на ней.
Сквозь забытье, похожее на ужас,
Мучительно искал и звал друзей.
Был новый день,
на пройденный похожий,
Шумел недостижимо за окном.
Прохожие...
Как много вас, прохожих!
Но кто заглянет первым в этот дом?
Каким он будет,
первый тот пришелец?

Поможет ли поверить в чудеса?
И вглядывались долго в мир с постели
Страданьем опаленные глаза.

...И где-то рядом

робкими шагами,
По капле проверяя чувства вновь,
С внимательными темными глазами
К нему навстречу шла уже любовь.
Ах, Валентина,

ина,

ина,

ина...

Добрее есть ли имя у любви?

Протяжное,

как грустный зов любимой:

Стоскуешься —

негромко позови.

Она придет — встревоженная память.

Но высохнет внезапная слеза.

Она обнимет теплыми руками,

Всего его

вберет

в свои глаза.

В них так просторно,

так пьяняще чисто,

Не слышно даже, сердце как стучит...

Он выдержит!

Он должен встать, неистов!

Любовь сильнее диагнозов, врачи!

Глаза их ни-че-го не выражают.
Мне страшно было.
Можешь ты понять?
Без костылей зайти б молодцевато
И криком потревожить этажи,
Чтоб рухнуло молчание:
«Ребята!
Я был, как вы.
От нас зависит жизни!»
Как хочется сегодня быть здоровым.
Мне самому уверенность нужна...
Есть, правда, друг, и верный, и суровый:
Есть Валя.
— Медсестра?
— Теперь жена.

Мы с ним ругались.
Каждый день я клялся
И говорил, что больше не приду.
И снова каждый вечер возвращался,
Чтоб отвести отчаянья беду.
Я видел, как становится он старше,
Все больше проникается мечтой.
— Ты встанешь! Знаю!
Слышишь?
Встанешь, Саша!
Отбрось нитье и будь самим собой.
Нам без надежды,
Как побегам в мае —
Без солнечного теплого луча.

Потом:

— Ты знаешь, Саша, уезжаю...

Я писем от него не получал.

С оказией врывались раз за разом

О друге вести добры и легки:

Готовит книгу первую рассказов,

В журналах публикуются стихи.

«А ходит?»

«Да.

На костыли лишь злится.

Боль адская, должно быть,

но молчит.

Однажды он приехал в ту больницу,

Где не смогли поднять его врачи.

Шел к главврачу брать интервью,

Не охнув,

Лишь пот стекал вдоль белых жестких

скул.

Медсестры застывали возле окон

Немые, как почетный караул.

Искал тебя:

куда запропастился?

Ты, вспоминал, душой ему помог...»

Ах Сашка, Сашка, —

своего добился!..

Но как же так —

он смог, а я не смог?

Да как же так —

мы шли к одним высотам.

Моложе я.
Но дело не в годах.
Полкрая облетал я в самолетах
И полстраны объездил в поездах.
Я видел зло.
Я знаю мудрость ласки.
Я слышал боль, когда тоскует мать.
Мне тайны доверяли без опаски.
Чтоб лучше мог я Родину понять.
Профессий мной освоено немало,
Друзьям всегда был предан я душой.
И все же мне чего-то не хватало,
Чтоб стать сильней,
Чтоб стать самим собой.
Мотался по аулам в Казахстане.
Загуливал,

кому-то подражал...

Все чаще непонятное отчаянье
Входило в сердце.
Маялась душа.

Я чувствовал уже, что отвыкаю
От ремесла.

А это ль не беда?!

Не стоит жить, бесплодые ощущая...
Но в горький час раздумий, иногда
Лицо всплывало вдруг,

как будто в окна

Дохнет негромкой свежестью гроза.
И что-то о надежде мне намеком
Все говорили Сашкины глаза.

О мужестве
и снова о надежде.
Не понимая,
точно бы в бреду,
Я бросился в автобус,
в поезд
прежде,

Чем осознал куда.
И вот иду.
Шаг все быстрее.
Вот уж угол дома.
Мне стыдно,
хорошо мне в эту ночь:
Иду сегодня к сильному
больному,
Есть друг,
который сможет мне помочь!

Плескалась речка у обрыва...

П о э м а

Женщинам Белоруссии посвящается

Вода была, как мед.

— Как мед?

Вода была, как лед.

— Как лед?

Вода была хмельной,

густою,

С прохладной ленью погребною.

Она была собой —

водою.

Мы пили.

Тихие деревья

Толпились рядом у деревни.

Плескалась речка у обрыва...

А женщина мне говорила:

— Вот здесь их к липам провели.

О мести думали едва ли...

Им натолкали в рот земли

И так

живыми

закопали...

Ну что ты держишь ковш?
Снеси...

А вот хозяйка, будто знала.

— Спасибо, бабушка,
спа-си...

— Признала, Оленька?

— Признала...

— Прости же, милая,
прости,

Что раньше худо подавала!

Сынок, поди?

— Как сын и есть.

Вот — пишет об отряде нашем.

Живых-то нынче —
перечешь.

Пусть знают дети подвиг старших.

А ты... живая...

Как же — твой?

Морщины вздрогнули в печали.

«Нет!

Он не мой!

Не мой!

Не мой!» —

Глаза из-под платка вскричали.

— Олюша, погоди,
смолчи!

Постылый год —

он под ладонью.

Ладонь к глазам —

и вот застонет

Когда еще придет домой?
Последыш мой.

Последний мой.

Три года прождала без мала...

Узнаю ли?

И не узнала.

Пришел с друзьями он нездешними.

Не

«Здравствуй»

мне,

А

«Где-то Демеш тут?».

Не

«Братья где?».

А

«Где старуха?

Покажем гадине науку!».

Твой —

из леса

огородами.

Я было встречь:

«Бегите, родные!»

Василь за рученьки хватается:

«Сумеют без тебя управиться!»

А староста злобеет коршуном.

А мой подкоршунком

за коршуном.

А те,

ну, их дружки которые,

Уже залязгали затворами.

Я к ним в поклон
и со слезами,
Крестом под ноги,
крест под очи.

Они одно твердят:
«Связная!
Не лезь, мамаша!»
И хохочут.
А мать твоя, что перепелочка.
Она дочурку все в стороночку
Бочком, крылом:
«Не троньте, сволочи!
Всего тринадцатый девчоночке».
А Лида:
«Мамонька, не жалуйся.
Попить бы: нет с жарою сладу мне».

Ногой мне выбил ковшик староста:
«Землей поить обеих надобно!»

И я совсем запричитала.
А может, то земля вскричала?

Ай, за что позорище
На мою головушку?
Ростила я лебедя,
Вырастила коршуна.
Ростила я лебедю
Белые свет-крылышки.
Белые повыпали —
Черные повыросли.

Я любила, холила
Лапки перепончаты.
Перепонки съжились,
Когти показались.
Расправлял он крылышки,
Черные поганые,
Подлетал ко солнышку,
Застил солнце ясное.
Серых бил он утушек,
Белых бил лебедушек.
Я пойду по реченьку,
Зачерпну студеныя.
Я пойду во полюшко,
Выберу травиночку.
Не возьму я иван-чай,
А возьму я молочай.
Наварю настоечки,
Будто бы зелен-вина.
Позову я коршуна
С вороньем поганыим,
С коршуньем подкоршуньем.
Опою их зельюшком.
Опою до смертушки.
Мать сыра земля простит.
Не простит,
То бог простит.
Со старостой их было десять.
И каждый жрал за десять, весел.
Что на день черный берегла —
Все ставила середь стола.

И гоготали за столом,
Как славно дело отслужили.
Своим поганым языком
Пытались песни петь чужие.
В моей избе,

      где на порог
Ступали с добрыми речами,
В моей избе,

      где русский бог
Не покидал престол годами!
Я знала час.

Рушник спокойно
Подставив подо дно ковша,
Я всех с поклоном обошла:
— Отведайте моей настойки.
Я тоже выпью.

Слышишь, сын?
Для нас с тобой стакан один.

Да кто же знал, что выйдет лихо:
Что отойдут все девять тихо,
А нас свезут в больницу с ним,
Должно быть, мал стакан двоим.
Когда нас изверги спасали
И вешали ему медали,
Наверно, понял мой сынок,
Каким вином валило с ног.
И задурил, и запил страшно.
Во всем обличье стал пустяшный.
Глаза горели, точно уголья,

Мундир болтался, что на пугале.
И вдруг —
                    пропал,
                                    как ветром сдуло.

Перекрестилась
И вздохнула:
«Ну, слава те!
Авось, ночами
Не бог, так люди повстречали!»
А он однажды —
                                    на порог.

Я за калитку узелок:
«Поди прочь,
                                    страшный человек!»

Тебя не знала я вовек!»
Пошел
В соседний сельсовет.
И объяснял всем по порядку:
Мол, отсидел премного лет,
С меня закону взятки гладки.
Я не скрывал себя от власти.
Живым слыть — небольшое счастье.
Прописку дайте.
И не тычьте
Мне прошлым —
Есть Указ столичный.
Халупу справил у затона.
Перебивается поденно.
Коптит село, что смрад болотный.
И ждет как будто все чего-то...

И нож
в ладонь скользнул
МОЛЧКОМ

И обнажился сокровенно.
Вдруг замер он,
Ссутулил спину
И выдавил вдруг через силу,
Не повернувшись:
— Демеш?
— Я.
— Чего же тянешь —
НОЧЬ ТВОЯ...

Я поняла:
Свободу? Нет! —
Он ждал иного
сколько лет.
Не зря на люди шел.
И вот
Он все прощеньем
мест и ждет.
И накатился плачь, как приступ.
Я вся ослабла
и на пристань
К воде бежала.
И водой
В лицо плескала —
слабой,
той.

Прости ты, бабушка, меня...
— Прости мою судьбу, родная.
Водицы выпьешь? Ишь жара!
И речка, эвон, обомлела...
— Нам, бабушка, уже пора...
А речка нынче обмелела,
Но ничего:
Она с дождем
Под осень наверстает силу...
Мы с названным сынком пройдем
К ней
    мимо Лидиной могилы...
И мимо маминой могилы...

И мы пошли с ней тихо, в шаг.
Слились двух поколений судьбы.
Родными нас назвали люди,
Знать, одинакова душа.
И я припал к сырой воде,
Я зачерпнул ее ладонью:
Пускай бежит по бороде,
Пускай лицо в прозрачной тонет.
В ней, каждой капелькой светла,
Земли родительская сила.
И по усам она текла,
И к родникам сердец пробилась.

СОДЕРЖАНИЕ

О прошлом	5
Наследство	6
«Наследую твою любовь...»	8
Письмо	9
Бабка	11
«Люблю своих знакомых удив- лять...»	12
«От наших лет нам никуда не деться...»	13
Имя	14
Встреча на Севере	16
На реке	18
«Там, где нартовый след...»	19
В кинотеатре	21
Скульптор	23
Последний рейс	24
Капитан	26
«Да будет свет в твоём окне...»	28
Возвращение	29
«Здравствуй, дом!»	30
«Из лозы ограда...»	32
Ночью	33
«Какне простыни у мамы...»	34
Базар	35
«Иду вдоль зябнувшей опушки...»	37
«Притушу свою грусть...»	38
«Спится...»	39
«Косяк собрался в путь с за- рею...»	41
Баллада о надежде	42
Плескалась речка у обрыва... (Поэма)	51

Нечволода В. А.
Н59 **Имя. Свердловск, Средне-Уральское
Книжное Издательство, 1974.**

64 с.

В новый сборник молодого тюменского поэта вошли стихи последних лет.

Н 0742—048
М 158(03)—74

Р2

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ НЕЧВОЛОДА

И М Я

Редактор Н. КУЗИН

Художник Я. МЕЛЬНИК

Художественный редактор Я. ЧЕРНИХОВ

Технический редактор Т. МЕНЬЩИКОВА

Корректор Л. ГУПАЛО

Сдано в набор 20/XII 1973 г. Подписано в печать 18/IV 1974 г. НС 17203. Бумага типографская № 1. Формат 84×108¹/₆₄. Уч.-изд. л. 2, Усл. печ. л. 1,7. Тираж 10000. Заказ 567. Цена 21 коп. Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

21 коп.

Свердловск,
Средне-Уральское
Книжное издательство, 1974